

Библиофил

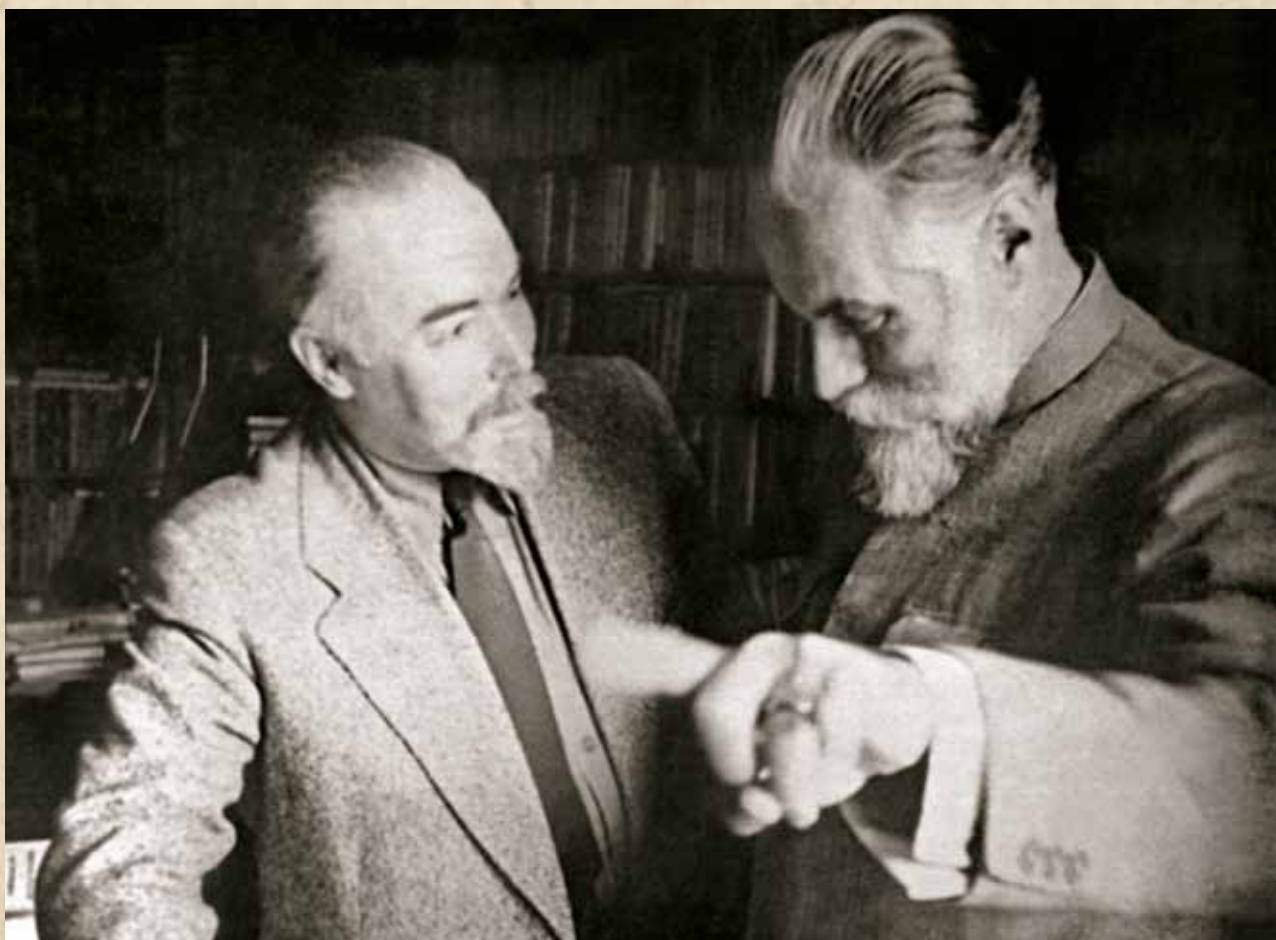
Е.Е. Кузина

Гибнущая коллекция Ю.Н. Рериха: утраты и надежды

Факты – вещь упрямая и самодостаточная. Они говорят сами за себя, вне чьей-то субъективной интерпретации. Книга Дмитрия Ревякина «Гибнущее Наследие: Московская квартира Ю.Н. Рериха. Каталог. Фотохроника. Архивные материалы», изданная Международным Центром Рерихов в 2010 году, – прекрасный пример того, как тщательно подобранный и досконально изученный материал, закрепленный в архивных данных и документальных свидетельствах, способен воссоздать объективную картину трагической судьбы, постигшей первую часть наследия семьи Рерихов, которое могло бы полностью стать достоянием Отечества. Речь идет о коллекции, привезенной в Советскую Россию старшим сыном Рерихов – Юрием Николаевичем, единственным из семьи, кому удалось вернуться на Родину.

О расхищении ценностей из бывшей квартиры Ю.Н. Рериха писали и говорили немало, в том числе на страницах журнала «Культура и время», в сборнике «Защитим имя и наследие Рерихов» и в других периодических изданиях. Но книга Д.Ю. Ревякина – первое подробное исследование истории и судьбы художественных ценностей из московской квартиры выдающегося ученого-востоковеда Юрия Рериха.

Книга создавалась в течение трех лет, трудно, как бывает трудным всякое хорошее дело. В этой работе – исследования, сопоставления десятков страниц документальных материалов из государственных и общественных фондов и архивов. Использовались документы Российского государственного архива литературы и искусства, Государственного архива Российской Федерации, Архива внешнеполитической разведки, Наркомата иностранных дел СССР. Значительную часть первоисточников автору предоставил Отдел рукописей МЦР. Все цитаты, приведенные в книге, отсылают нас к документам, которые опубликованы полностью в отведенном для этого разделе, так что никому не удастся упрекнуть автора в попытке вырвать какой-то документированный факт из общего контекста.

Юрий Николаевич и Святослав Николаевич Рерихи в рабочем кабинете квартиры на Ленинском проспекте. Москва, 1960

Говорить о том, какая участь была уготована той части наследия Рерихов, что переехала в Россию с Юрием Николаевичем в 1957 году, в Москву, в дом 62/1 по Ленинскому проспекту, невозможно, не изложив предыстории этого возвращения. Вся хроника длительных и усердных попыток возврата на Родину Н.К., Е.И. и Ю.Н. Рерихов представлена в главе «Трудный путь домой» как цепь документированных событий. Мы узнаем, как Николай Константинович и Елена Ивановна Рерихи, несмотря на все свои усилия и усилия их сыновей, были лишены возможности вернуться на родину, причем жестоко и сознательно. Чего стоит резолюция Сталина на письме М.М. Литвинова¹, в котором нарком иностранных дел излагает серьезно аргументированную просьбу Рерихов о разрешении семье вернуться в СССР, их предложение Советскому Союзу присоединиться к Пакту Рериха и принять в дар все ими созданное – научный архив и творческое и философское наследие! «Не отвечать», – распорядился генералиссимус.

Из статей Н.К. Рериха, написанных в 1940-е годы, мы видим, как болела его душа по далекой Родине, как стремился он отдать ей все, что было лучшего: «Каждый из нас четверых в своей области накопил немало знаний и опыта. Но для кого же мы трудились? Неужели для чужих? Конечно, для своего, для русского народа мы перевидали и радости, и трудности, и опасности. <...> Ни на миг мы не отклонялись от русских путей»².

В 1947 году Н.К. Рерих ушел из жизни, так и не увидев горячо любимой им России. Елена Ивановна и Юрий Николаевич продолжили неравную борьбу с советскими чиновниками за возможность возвращения. С.Н. Рерих, получивший после женитьбы на Девике Рани индийское гражданство, всячески помогал им, используя свои связи в посольских кругах, но и там реакция была неадекватной. Автор книги приводит цитату из письма Святослава Николаевича матери: «Видел нашего посла. Он, конечно, никак не реагирует. Заходил корреспондент “Правды”, но больше не по-

¹ Ревякин Д.Ю. Гибнущее Наследие: Московская квартира Ю.Н. Рериха. Каталог. Фотохроника. Архивные материалы. М.: МЦР, 2010. С. 12–13.

² Цит. по: Ревякин Д.Ю. Гибнущее Наследие: Московская квартира Ю.Н. Рериха. С. 13.

казывался <...> Меня это, конечно, не беспокоит, но должен сказать, что вообще поведение очень и очень странное. Даже как бы ненормальное»³.

Сопоставление приводимых в книге фактов этого периода открывает реальную подоплеку столь странного поведения советских властей. Почему, отчего стремление Рерихов к возвращению на Родину было окутано таким плотным туманом молчания? Ни да, ни нет – в этом действительно была какая-то «ненормальность», как верно заметил Святослав Николаевич. Все, казалось бы, складывалось хорошо, даже разрешение на въезд фактически было подписано. Но членов прибалтийских рериховских обществ в это время уже начали арестовывать; так или иначе, но в верхах сообразили, какая серьезная духовная сила стоит за этими людьми и какую мощную идеологическую конкуренцию она может составить. Этого допустить было нельзя, поэтому «ненормальное» молчание сменилось четко продуманной дискредитацией имени Рерихов, в первую очередь Николая Константиновича, которому чиновники от культуры начали лепить ярлыки «эмигранта», «мистика», «космополита» и пр. Сегодняшние «уполномоченные» порочить имя Рериха-старшего и его семьи пользуются, как увидим дальше, теми же проверенными и апробированными приемами. Механизмы действия одинаковы. Участь наследия, привезенного в Россию Ю.Н. Рерихом, была предрешена. В 1955 году умерла Е.И. Рерих. Свое литературно-философское наследие она также завещала Родине. Имущество движимое и недвижимое она в свое время завещала мужу, а если и его не станет на момент ее ухода – обоим сыновьям. Родители знали, что сыновья будут продолжать их дело и наследие будет передано в Россию.

В 1956 году стало известно, что в Индию с дружественным визитом прибудет советская делегация во главе с Н.С. Хрущевым и Н.А. Булганиным. Святослав Николаевич, стратег и прирожденный дипломат, входил тогда в состав комиссии по приему русских делегаций в Бангалоре и договорился, что Хрущев примет Ю.Н. Рериха для личной передачи правительству заявления о возвращении на Родину.

Обстоятельства сложились в тот момент для Юрия Николаевича благоприятно, в 1957 году он получил советское гражданство и в тот же год вернулся в Россию.

В книге последовательно прослежены все события, которые происходили с наследием Рерихов, перевезенным Юрием Николаевичем в Рос-

сию. Отдельная глава посвящена первой выставке картин Н.К. Рериха в СССР. Чиновники из Министерства культуры, прежде всего А.К. Лебедев, начальник отдела изобразительных искусств и охраны памятников, были убеждены, что выставка не будет иметь никакого резонанса: «По своим художественным качествам эти работы не принадлежат к числу значительных произведений искусства. Для советской общественности, для наших художников выставка этих работ пользы не принесет»⁴. Колоссальный успех выставки стал для идеологов соцреализма полной неожиданностью. Они едва успевали отписываться в министерстве от запросов других республик, где хотели принять экспозицию. В Москве спешили прекратить путешествие выставки по республикам и рассредоточить коллекцию по музеям, чтобы ослабить ее воздействие. Власть сознавала: вместе собранное художественное достояние, созданное Н.К. Рерихом, в соединении с философским наследием семьи образует духовный конгломерат, который может стать серьезным противопоставлением господствовавшей идеологии. Однако успех выставки был несомненным, и это позволило Ю.Н. Рериху начать действия по созданию в СССР Музея имени Н.К. Рериха. В книге отражена и подытожена вся драма его усилий, предпринятых в этом направлении. Юрий Николаевич предполагал, что музей должен быть в Москве (или в Ленинграде) с филиалом на Алтае. А.К. Лебедев продолжал настаивать на рассредоточении картин. Невозможность создания единого музея обосновывалась якобы отсутствием подходящего особняка или усадьбы. Документированные факты битвы Ю.Н. Рериха за создание музея имени отца, переписка, которую он вел и с друзьями, и с противниками (наравне с активной деятельностью ученого в Институте востоковедения!), и тот чудовищный цинизм, с которым чиновничий аппарат то обнадеживал, то лишал Юрия Николаевича надежды, показывают, что, в сущности, он остался один на один с государственной машиной. И это противостояние, представленное в документах и в сумме фактов, помогает нам понять первопричину той огромной утраты, которую понесла и российская культура, и российское востоковедение.

В 1960 году, после того как в Ленинграде практически дали согласие создать Музей имени Н.К. Рериха как филиал Русского музея, на Набережной Мойки, дом 83, о чем сообщил Юрию Николаевичу в письме академик В.В. Струве, снова встрепенулся чиновник Лебедев, и на столе министра культуры Н.А. Михайлова оказалось

³ Ревякин Д.Ю. Гибнущее Наследие: Московская квартира Ю.Н. Рериха. С. 19.

⁴ Там же. С. 24.

Н.К. Рерих. Бум-Эрдени [Монгольский героический эпос]. 1947. Похищена из квартиры Ю.Н. Рериха 1 апреля 2008 г.

его официальное письмо. На фоне всего, что в этом письме изложено, – то есть факта согласия и Русского музея, и Восточной комиссии Географического общества СССР, внесшей предложение о создании в Ленинграде Музея Рериха-старшего, – резюме Лебедева «...о нецелесообразности создания самостоятельного музея Н.К. Рериха»⁵ звучит по меньшей мере нелогично. И начинается дележ картин между Русским музеем и Новосибирской картинной галереей за спиной Ю.Н. Рериха. А если добавить к этому обстановку в Институте востоковедения, критику по партийной линии после выхода книги «Дхаммапада», то нет ничего неожиданного в том, что сердце ученого не выдержало. 21 мая 1960 года Юрий Николаевич ушел из жизни.

Имеет смысл процитировать текст книги: «Примечательно, что Акт №78 о передаче картин из ГТГ в Новосибирск был подписан незадолго до смерти Ю.Н. Рериха – 16 мая 1960 г. В Русский музей 355 картин Н.К. Рериха были переданы из Третьяковской галереи меньше чем через две недели после смерти Ю.Н. Рериха по Акту №86 от 3 июня 1960 г.»⁶. Автор делает вполне логичное предположение о причине столь спешного перевода картин Н.К. Рериха с временного хранения на постоянное. Из семьи Рерихов остался единственный наследник, – Святослав Николаевич, который знал о главном условии передачи картин

Министерству культуры – созданию Мемориального музея имени Н.К. Рериха в СССР. В тот момент он находился в Советском Союзе, приехал с выставкой своих картин.

А.К. Лебедев, делавший упор на «мистицизм» Н.К. Рериха, будь он человеком менее невежественным, прочел бы, что пишет об этом сам Николай Константинович: «...я вообще опасаясь этого неопределенного слова “мистицизм”. Уж очень оно мне напоминает английское “мист” – то есть туман. Все туманное и расплывчатое не отвечает моей природе. Хочется определенности и света»⁷. В следующей главе документально изложены действия госчиновников, направленные на то, чтобы «определенности и света» в русской культуре, упаси бог, не прибавилось. Для этого необходимо было лишить последнего из законных наследников семьи Рерихов наследства, принадлежащего ему по праву. Все

ухищрения, все уловки государства проиллюстрированы в документах.

С Юрием Николаевичем в Россию приехали сестры Богдановы, Ираида и Людмила, помогавшие ему по хозяйству. После кончины брата С.Н. Рерих пожелал поселить в его квартире К.А. Молчанову, единомышленницу и преданного, надежного человека, которую он хотел сделать ответственным хранителем библиотеки в Мемориальном кабинете Ю.Н. Рериха в Институте востоковедения, но сестры Богдановы отказались от этого опекуна. Он начал переговоры о вступлении в права наследства, что и человечески, и юридически было вполне оправдано. Но ему в силу обстоятельств пришлось уехать в Индию (вернуться он смог только через 14 лет, в 1974 году, когда новый министр культуры П.Н. Демичев официально пригласил его на празднование 100-летнего юбилея Н.К. Рериха), а из Индии контролировать процесс оформления наследования было крайне трудно.

Все, что произошло с наследством за это время, подтверждено документально. Устройству К.А. Молчановой в Институт востоковедения чинили всяческие препятствия – ведь тогда она обосновалась бы в Москве и могла помешать планам Минкульта. На последней встрече в министерстве Е.А. Фурцева, сменившая Н.А. Михайлова на министерском посту, в присутствии своих

⁵ Ревякин Д.Ю. Гибнущее Наследие: Московская квартира Ю.Н. Рериха. С. 37.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 40.

заместителей и Девики Рани, сказала С.Н. Рериху, что «вопрос о наследовании, вероятно, выходит за рамки советского права, поскольку Святослав Николаевич является индийским гражданином»⁸, и пообещала принять положительное решение о его наследственных правах.

На деле же вместо С.Н. Рериха фактическими наследниками чиновники Минкульта сделали совершенно посторонних людей – сестер Людмилу и Ираиду Богдановых.

Если просмотреть все документы, собранные автором и приведенные в книге, нельзя не отметить, что юридическая изворотливость государственных структур была почти гениальной. В 1961 году умерла Людмила Богданова, признанная государством иждивенкой Юрия Николаевича, на чье имя были переведены его денежные сбережения. В квартире осталась Ираида, но в «Свидетельстве о праве наследования», выданном на ее имя, не оказалось списка культурных ценностей, которые находились в квартире Юрия Николаевича⁹. Святослав Николаевич был от наследования отстранен. Наследство осталось якобы бесхозным, и теперь его было легко подвести под огосударствление. Однако сделать это не удалось потому, пишет автор, что С.Н. Рерих занял весьма активную позицию в защиту своих нарушенных наследственных прав¹⁰, задействовав индийское посольство в СССР.

Почему чиновники так отчаянно стремились отстранить Святослава Николаевича от законного наследования всех ценностей – художественных, научных, материальных, принадлежащих его старшему брату? Документальные факты в прямом их сопоставлении позволяют сделать очевидный вывод: отстранение С.Н. Рериха от наследования по закону с введением на сцену подставного лица преследовало все ту же цель – не допустить создания Музея-квартиры Ю.Н. Рериха в Москве и Музея Н.К. Рериха в Ленинграде.

С.Н. Рерих был в Индии и знал о том, как Ираида смотрит за наследством старшего брата, лишь по ее сообщениям. Первое время его все удовлетворяло, к тому же в квартире часто бывали рериховеды П.Ф. Беликов, В.В. Соколовский и работали с научной частью наследия.

И тут на сцене возникает Виктор Юлианович Васильчик, будущий муж Ираиды. Он претендовал на роль искусствоведа, хотя на самом деле всего лишь растирал краски в мастерской «придворного живописца» И.С. Глазунова. Васильчик развил бурную деятельность, результатом которой должно было стать приоритетное владение архивами, оставшимися в квартире Ю.Н. Рериха, естественно, вместе с прочими ценностями. Именно через него был растиражирован миф о «приемной дочери» Рериха, который вызвал у С.Н. Рериха крайнее недоумение, но против-

⁸ Ревякин Д.Ю. Гибнущее Наследие: Московская квартира Ю.Н. Рериха. С. 45.

⁹ Там же. С. 48.

¹⁰ Там же. С. 49.

Н.К. Рерих. *Сергий-строитель*. 1940. Похищена из квартиры Ю.Н. Рериха 1 апреля 2008 г.

стоять ему из Индии художнику было нелегко. Васильчик, безусловно, имел поддержку в государственных кругах, чему автор приводит опять же документальные доказательства, и уже начинал расхищение наследства, раздаривая предметы из квартиры Юрия Николаевича тем, кто в той или иной мере оказывал ему поддержку.

Так появились «сестры Ю.Н. Рериха – Богдановы». Этот миф всячески поддерживала Е.А. Фурцева. В состав комиссии по проведению юбилея Н.К. Рериха в 1974 году не были включены ни Святослав Николаевич, ни П.Ф. Беликов, зато фигурировало имя «И.М. Богдановой-Рерих!»

В главе «С.Н. Рерих в защиту наследия брата» Д.Ю. Ревякин подробно рассказывает, сколько сил положил Святослав Николаевич, – теперь уже вместе с П.Ф. Беликовым и с Л.В. Шапошниковой, будущим преемником наследия семьи Рерихов, чтобы восстановить справедливость. Свою часть наследия он передал ей еще при жизни, уверенный, что в этих руках все будет сохранено и преумножено. Как показало время, в своем выборе он не ошибся. Но «вплоть до своего развала советская государственная система, отстранившая в 1960 г. С.Н. Рериха от наследия брата, так и не признала его законные права»¹¹. Идея создать Мемориальную квартиру Ю.Н. Рериха не

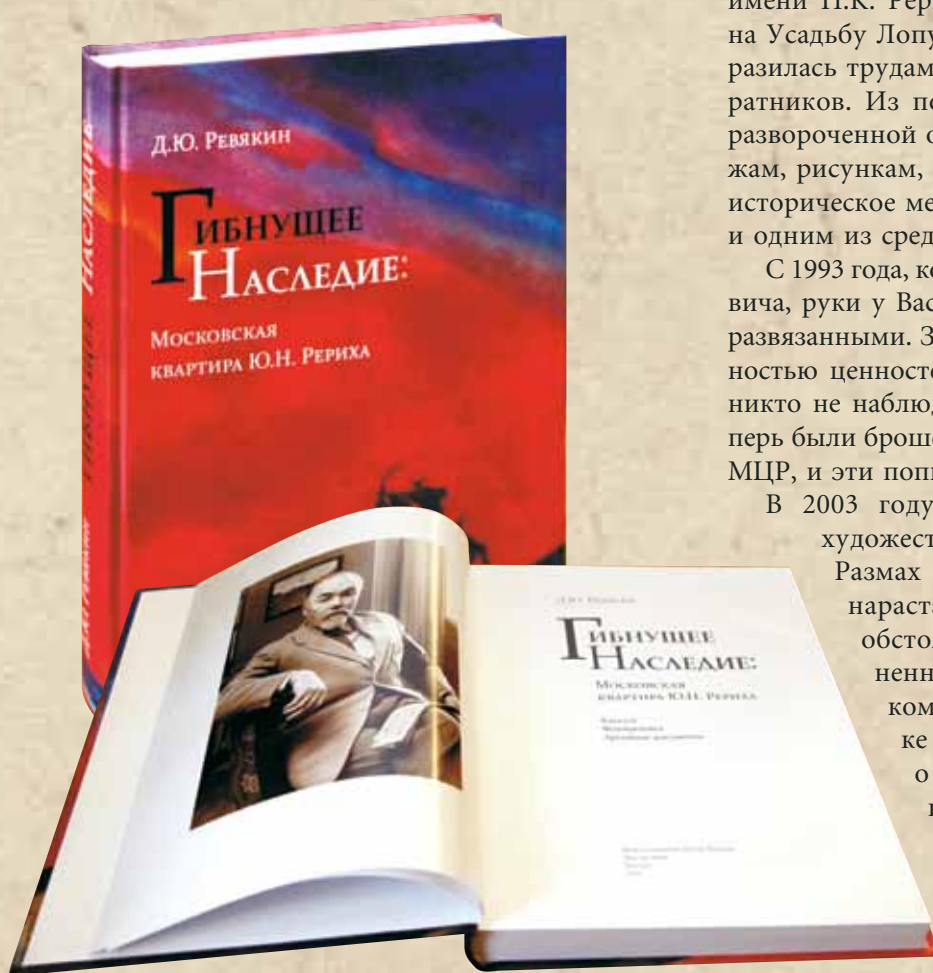
реализовалась. Минкульт СССР принял для этого поистине беспрецедентные меры, последовательность которых прослежена и подтверждена в книге документально.

А затем началось то, что Н.К. Рерих называл «тихими погромами». И этому посвящена отдельная глава. И.М. Богданова и В.Ю. Васильчик вступили в законный брак, и разбазаривание наследства Ю.Н. Рериха вышло на новый виток. Л.С. Митусова вспоминала, что от соседки Юрия Рериха по лестничной клетке она узнала, что еще в 1974 году из его квартиры выносились «мебель, картины, бумаги...»¹². Продавались редкие танки в Эрмитаж и Государственный музей Востока. И это еще было везением, поскольку многие из буддийских реликвий вообще разошлись по частным рукам. Постепенно продажа наследия стала для супругов Васильчиков основной статьей дохода, и весь этот истинный кошмар подтвержден документами, которые есть в книге.

В 1989 году по инициативе С.Н. Рериха был создан Советский Фонд Рерихов, ныне Международный Центр-Музей имени Н.К. Рериха. М.С. Горбачев предоставил Святославу Николаевичу возможность выбрать в Москве место, где он хотел бы разместить переданное им Л.В. Шапошниковой, генеральному директору Музея имени Н.К. Рериха, наследие семьи. Выбор пал на Усадьбу Лопухиных, которая с годами преобразилась трудами Людмилы Васильевны и ее соратников. Из полуразрушенных зданий внутри развороченной ограды по сохранившимся чертежам, рисункам, другим документам возродилось историческое место, ставшее украшением города и одним из средоточий русской культуры.

С 1993 года, когда не стало Святослава Николаевича, руки у Васильчика оказались окончательно развязанными. За состоянием квартиры и сохранностью ценностей, находившихся в ней, вообще никто не наблюдал. Все силы госчиновников теперь были брошены на попытку лишить наследия МЦР, и эти попытки продолжаются по сей день.

В 2003 году Васильчик начал распродажу художественной коллекции Н.К. Рериха. Размах этих разрушительных действий нарастал. В январе 2004 года при обстоятельствах, до конца не выясненных, умерла на снятой Васильчиком подмосковной даче в Малаховке И.М. Богданова. Уголовные дела о выяснении причин этой смерти и о разбазаривании Васильчиком

¹¹ Ревякин Д.Ю. Гибнущее Наследие: Московская квартира Ю.Н. Рериха. С. 77.

¹² Там же. С. 79.

имущества Ю.Н. Рериха в Генпрокуратуре РФ и подведомственных ей учреждениях прокурорского надзора были похоронены. Все выдержки из документов цитируются в хронологическом порядке, – подробно, с именами, исходящими номерами, датами и т.д.

Никому не надо объяснять, что картины Н.К. Рериха имеют колоссальную аукционную стоимость, и она все время растет. Отнять у Васильчика наследие правовым путем означало бы, что те, кому он сбывал полотна и рисунки, лишатся баснословного дохода. Деньги, как и в американской истории с Хоршами, решили все. В книге приведены письма и обращения культурной общественности, в том числе руководства МЦР, в защиту утекающей в никуда драгоценной части наследия, оставленной старшим сыном семьи Рерихов. Весы государственной Фемиды, очевидно, обладали односторонним балансом. Последовательное изложение документальных фактов, в том числе и последних лет, дает автору право сделать вывод: «Бывшая квартира, где жил Ю.Н. Рерих, востоковед с мировым именем, не нужна ни федеральным, ни региональным властям. Несмотря на все усилия российской культурной общественности, она так и не стала объектом культурного наследия, а оставшееся в квартире уникальное наследие не было взято под надлежащую охрану государства и подверглось разграблению В.Ю. Васильчиком. <...> Таким образом, отечественная культура на наших глазах лишается богатейшей части рериховского наследия, которое, по замыслу Рерихов, должно было стать культурным достоянием их Родины»¹³.

Еще один вывод автора сформулирован в названии следующей главы: «Наследие из квартиры Ю.Н. Рериха должно быть передано в общественный Центр-Музей имени Н.К. Рериха».

Вся деятельность семьи Рерихов, их опыт в создании музейных центров за рубежом воплощен С.Н. Рерихом в концепции Международного Центра Рерихов, которую он изложил в статье «Медлить нельзя!».

Автор книги рассматривает все исторические предпосылки к созданию общественного музея, напоминая о том, что эта традиция исторически характерна для России. И Третьяковка, и Бахрушинский музей выросли из частного коллекционирования и были переданы государству только потому, что, к примеру, Бахрушин уже не мог справиться с количеством экспонатов, ему не хватало специалистов музейного дела, но он остался директором этого музея.

Д.Ю. Ревякин приводит сведения о том, что Н.К. Рерих был инициатором многих музейных учреждений еще в царские времена – видимо, талант к музейному делу у Рерихов, что называется, в крови. Сегодня МЦР успешно выполняет свою культурную миссию в соответствии с целями, поставленными С.Н. Рерихом, и концепцией общественного музея, разработанной еще Ю.Н. Рерихом, и руководствуется напутствием, которое звучит в словах Н.К. Рериха: «Музейон, Музей не есть мертвое хранилище, не сокровище скупца. Музей неразрывен с понятием Культурного Центра. Музей это уже и есть Обитель Лиги Культуры»¹⁴.

Завершающие разделы книги содержат профессионально составленный, исчерпывающий библиографический аппарат; в разделе «Архивные документы» собраны все материалы, на которые ссылается автор книги, а также приводятся факсимиле некоторых из них. Еще один раздел – «Фотохроника» – великолепная документальная иллюстрация всей жизни семьи, описанной в книге.

И наконец, раздел последний, внушительный, наглядно демонстрирующий, чего лишилась и может еще лишиться российская культура, утратив значительную часть наследия, привезенного в Россию Ю.Н. Рерихом. Это профессионально составленный каталог «Живопись и рисунок Н.К., С.Н. и Е.И. Рерихов в коллекции, находившейся в московской квартире Ю.Н. Рериха» с полным описанием всех работ и «Коллекция Ю.Н. Рериха в документах». Далее – «Интерьеры квартиры Ю.Н. Рериха», где приведены описания квартиры Юрия Николаевича со слов его друзей, бывавших у него, и фотографии разных лет. Большинство предметов и реликвий, запечатленных на этих фотографиях, уже нет, и местонахождение их неизвестно.

Исследовательский труд Д.Ю. Ревякина был бы невозможен без помощи генерального директора Центра-Музея имени Н.К. Рериха Л.В. Шапошниковой и сотрудников Отдела рукописей МЦР, и в конце книги автор выражает им всем благодарность. Книга разрушает невежественные стереотипы, которые усердно создавались и создаются относительно принадлежности наследия Рерихов и вносит немалый вклад в защиту их имени. И потому пожелаем, чтобы вопреки всему сбылось то, о чем однажды сказал С.Н. Рерих: «Да, я мечтаю о том времени, когда обе части наследия начнут работать в России так, как мечтали об этом мои родители».

¹³ Ревякин Д.Ю. Гибнущее Наследие: Московская квартира Ю.Н. Рериха. С. 96.

¹⁴ Там же. С. 99.

Е.Е. Мишина

Эсмеральда — вечное имя драгоценного

*...Тот цвет окажется нетленным,
Неодолимым, неизменным,
Недосягаемым извне, —
Ничто уже не может тронуть
Живое благородство тона
В его зеленой глубине.*

Реми Бело. Принцесса Эмерод (XVI в.)

*Все, что зеленого есть, смарагд превосходит красю...
Марбод Реннский. Поэма о геммах (XI в.)*

Смарагд, эсмеральда, эмерод — так называли этот камень в античной и средневековой Европы, одно из его наименований на санскрите — мараката, арабское название — зумурруд (стало основой русского имени камня), забардзад, заморат, а еще латинское — смаралд, лапис стеллат («звездчатый камень»), греческое — ормиск, — вот далеко не полный список имен одного из самых удивительных и драгоценных минералов: изумруда. Ему посвящен многолетний труд В.Б. Семенова и Н.И. Тимофеева, авторов-составителей трилогии «Изумрудные годы мира»¹. Исследование охваты-

¹ Семенов В.Б., Тимофеев Н.И. Изумрудные годы мира: Камень / Под науч. ред. В.Н. Авдонина. Екатеринбург: «Фонд Тимофеева», ИГЕММО Lithica, 2004. (Геммологическая библиотека); Изумрудные годы мира: Камень России / Под науч. ред. В.Н. Авдонина. Екатеринбург: «Фонд Тимофеева»; ИГЕММО Lithica, 2005. (Геммологическая библиотека); Изумрудные годы мира: Заветы. В 2-х кн. Кн. 1 / Под науч. ред. В.Н. Авдонина. Екатеринбург: «Фонд Тимофеева»; ИГЕММО Lithica, 2006. (Геммологическая библиотека).

вает три тысячи лет, от первого упоминания камня в памятнике древней индийской литературы Ригведе до нового и новейшего времени.

Этот сборник – первая книга третьей части трилогии – имеет подзаголовок «Заветы». Книга вышла в Екатеринбурге тиражом 500 экземпляров. Предисловие уведомляет читателей, что в основе книги «лежит любознательность авторов, питаемая увлеченностью и желанием знать о предмете своей симпатии все или, по крайней мере, как можно больше»². Многие из приведенных в «Изумрудных годах мира» лапидариев³ прошлых эпох специалисты из Екатеринбурга, Москвы, Санкт-Петербурга перевели на современный русский язык впервые. Некоторые из диалектов – старокастильский, старофранцузский, старочешский – уже стали историей.

Раннюю фазу геммологии авторы называют «романтической», в отличие от поздней, которую они определяют как «рациональную», «реалистическую»: «Романтическая геммология – это диковинный сплав мифов, легенд, преданий, суеверий, верований, открытий и заблуждений – тысячелетних традиций познания камня, его освоения материальной и духовной культурой человечества. Она словно некий “философский самоцвет”, в гранях которого отражается огромный исторический опыт»⁴. Если учесть, что изумруд – это не единственный минерал, который является предметом особого интереса энтузиастов екатеринбургского Историко-геммологического общества (ИГЕМО) Lithica, то изумрудоведение – малая толика того знания о драгоценных камнях, которое в будущем они откроют любознательному читателю.

...Объемистый том в переплете изумрудно-го цвета, напечатанный шрифтом того же оттенка, содержит полсотни свидетельств о чудесных достоинствах изумруда из античности и около ста – из Средневековья и частично Ренессанса. Текст иллюстрируют великолепные фотографии изумрудов в ювелирных изделиях разного назначения – от сакральных до призванных служить украшениями одежды, оружия, предметов, сопровождавших жизнь их владельцев. А переплеты и первые страницы старинных изданий – энциклопедического труда Плиния Старшего «Натуральная история», сочинения Альберта Великого о минералах, «Травника от мудрых риторей» (старорусского перевода из Воннеке фон Куба) – вызывают поистине трепетные чувства у любителей книжного антиквариата.

Из древних источников – Ригведы и Артхашастры, книг Ветхого Завета, сочинений Платона, Геродота, Теофраста, Страбона, Плутарха и других мудрецов античности – видно, что геммология, наука о благородных камнях, в числе которых среди первых был и изумруд, была неотъемлемой и необходимой частью миропознания. Даже в тех текстах, где он отдельно не упоминается, сведения о камнях и рудах, их добыче, обработке, использовании, социальной роли в жизни и традициях, об их духовно-мистическом значении весьма интересны и подробны, как, например, в «Гимнах» Ригведы, Артхашастре или в «Федоне» Платона. Упоминания об изумрудах авторы находят и у Диодора Сицилийского, и у римского сенатора Гая Цильния Мецената, покровителя литературы и искусства, чье имя стало нарицательным.

В Апокалипсисе смарагд – четвертый из двенадцати благородных камней, лежащих в основании стен Небесного Иерусалима. Гай Плиний Старший в своем энциклопедическом трактате дает исчерпывающий свод знаний о физических характеристиках смарагда, визуальное описание их различий (а они могут существенно отличаться по условиям происхождения, или, как говорят в геологии, генезису). У него не грех поучиться рассказам о камнях и современным минерологам, которым не откажешь в изобретательности, когда они составляют описание точной оттеночной окраски минералов. Он пишет: «Нет, на наш взгляд, цвета, на который было бы приятнее смотреть. Ведь даже на зеленую траву и листву мы смотрим с вожделением: на сма-

² Семенов В.Б., Тимофеев Н.И. Изумрудные годы мира: Заветы. С. 18.

³ Лапидарий (от лат. lapis – камень) – древние и средневековые тексты о камнях.

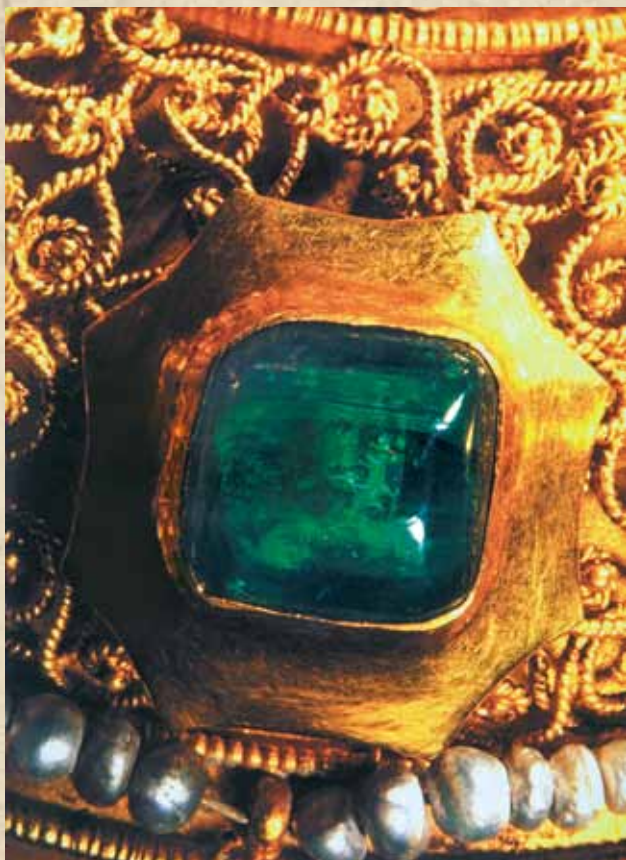
⁴ Семенов В.Б., Тимофеев Н.И. Изумрудные годы мира: Заветы. С. 19.

рагды смотрим намного охотнее, так как, бесспорно, нет ничего более зеленого, чем они»⁵.

О магической силе изумруда осталось немало свидетельств. Вот совет александрийского оратора и филолога Валерия Гарпократиона: «Выгравирову на смарагде гарпию, у ее лап мурену, доверши рисунок в нижней части корнем растения. И камень предохранит от безумных видений, страха, лунатизма, избавит от колик. <...> Это чудесный амулет»⁶.

Еще замечательнее свидетельство, приведенное в античном труде «Сократово и Дионисиево о камнях». Этот уникальный памятник геммологической мысли греко-римской эпохи был широко известен в средневековой Европе, но потом забыт до XIX века и впервые переведен для русскоязычного читателя. Оцените красоту и поэтичность этих строк: «Камень смарагд, самый красивый и очень ценный, обладает силой для пользы и успеха во всяком деле. Тем, кто содержит его в чистоте, он умножает состояние, одаряет их красноречием, делает активными и деятельными. Он применяется еще в гидромантии⁷ и полезен рабам, желающим свободы. <...> Камень этот растет в Индии, где течет река Физон⁸, вытекающая из рая. Он напоминает лужайку»⁹.

Завершая раздел, посвященный древним источникам, авторы книги указывают на то, что неко-

Фрагмент колты – украшения женского головного убора. Золото, скань, жемчуг. Вставка – изумруд. Западная Европа, XII в. Оружейная палата

торые сведения нельзя считать абсолютно достоверными или полными – время многое оставляет сокровенным. «Но и того, что представлено в нашем своде, достаточно для реконструкции нескольких сменявшихся один другим “строительных горизонтов” зыбких еще построек древнего камнезнаточества, для выделения в этом опыте романтических и рациональных начал осмысления камня»¹⁰. Поэтическая интонация авторского комментария к хрестоматийному своду древних текстов органично сочетается с научно-историческим подходом к исследованию, созвучна литературно-художественной манере первоисточников. Эта созвучность уместна и очаровательна, ибо в конечном счете речь идет о красоте и гармонии той части Природы, которую, в отличие от флоры и фауны, почему-то называют «неживой», но образ ее никак невозможно обозначить неодушевленными словами.

Яркий пример тому – описание мараката в «Ратнапарикше». Составители сборника пишут, что монах Буддхабхата лишь переложил для современников более ранний труд неизвестного писателя. Исследуя «Ратнапарикшу», ее распространение в качестве литературного источника, они находят выдержки из нее и в книге «Гаруда-пурана», она же известна под названием «Юктикапатарк», – цитаты из нее также приведены в «Заветах».

Итак, мараката в «Ратнапарикше»: «В тот миг Индра-змея уронил желчь к подножию горы – Королевы Земли, где деревья турускас струят фимиам и цветы лотоса обвевают землю своим ароматом. <...> Гаруда ухватил клювом часть желчи, что упала туда, но, охваченный бессилием, выпустил ее через ноздри на гору. Там и находят мараката, окрашенные в цвета шеи молодого попугая, цветка шириса, спины кхадьота, свежей травы, морской пены, железа, краешков перьев хвоста павлина»¹¹. Здесь же приводятся очень образная, насыщенная эпитетами классификация качеств камня и сведения о том, когда необходимо иметь его при себе,

⁵ Семенов В.Б., Тимофеев Н.И. Изумрудные годы мира: Заветы. С. 120.

⁶ Там же. С. 142.

⁷ Гидромантия (греч., от hydor – вода, manteia – гадание) – гадание по воде. Истолковывали цвет воды, рябь на ее поверхности, подъемы и понижения уровня в естественных водоемах, круги и число «прыжков» камня по воде и т.п. Водой пользовались и как «магическим кристаллом», стараясь разглядеть в ней какие-либо образы. Считалось, что лучше всего это удастся детям и беременным.

⁸ Физон, Фисон – (Быт. II, 11), одна из четырех рек, орошавших сад Эдемский. Фисон обтекал землю Хавила, богатую золотом и дорогими камнями.

⁹ Семенов В.Б., Тимофеев Н.И. Изумрудные годы мира: Заветы. С. 145–146.

¹⁰ Там же. С. 147.

¹¹ Там же. С. 171.

Средневековые издания об изумрудах, их признаках и свойствах Плиния Старшего, Альберта Великого

чтобы он послужил обладателю наилучшим образом: «Во время изучения вед, обрядов, молитв, жертвоприношений, когда приносят в жертву коров, золото и прочее; когда совершают магические операции, когда выполняют предписанные для богословов обязанности по отношению к мани, к хозяевам; когда воздают наставникам-гуру положенные почести, когда становятся жертвами различных заболеваний, вызванных отравлением, когда участвуют в сражениях, – разумно носить мараката, лишенный недостатков, оправленный в золото»¹².

Арабские ученые – историки, географы, философы – оставили нам огромный пласт сведений об изумрудах не только мифологического, минералогического, но и фармакологического, географического, геологического свойства. В «Изумрудных годах мира» их великое множество. В казне арабских халифов находились смарагды поистине фантастических размеров. Авторы сборника приводят рассказ аль-Бируни из книги «Собрание сведений для познания драгоценностей» о халифе ал-Мутаваккиле и подаренном ему забарджаде – зумурруде: «И вынул он ложку из забарджада, весившую восемь мискалей»¹³. И рассказал он со слов своего отца Джибрила следующее: однажды отправился он с ка-

сыдой к Дананир, невольнице Йахии ибн Халида. Войдя к ней <...> он увидел, что Дананир ест гранаты этой ложкой. Кончив извлекать зерна и выжимать сок, она сказала: «Возьми себе эту ложку». – «И я взял», – сказал Джибрил. Ал-Мутаваккил пришел в восторг от нее и сказал: «Эта ложка достойна того, чтобы люди губили за нее свои души»¹⁴.

Сирийский ученый и переводчик греческих текстов на арабский Хунайн ибн Исхак пишет: «Если его принять внутрь, он становится противоядием и помогает от укусов ядовитых насекомых и животных. Если взять его крошки в количестве, равном по весу восьми ячменным зернам, то он хранит от смертельных ядов, предупреждает выпадение волос и помогает при ссадинах на коже. Привычка смотреть на него рассеивает помрачения зрения»¹⁵.

Средневековые европейские ученые и исследователи располагали серьезной базой знаний об изумруде, которая досталась им в наследство. Они изучали геммологическую сокровищницу прошлых веков – индийские, греко-римские, арабские тексты, переосмысливали их и творчески применяли для развития науки.

Маттео Сильватико, ученый, физик, представитель медицинской школы Салерно, сообщает

¹² Семенов В.Б., Тимофеев Н.И. Изумрудные годы мира: Заветы. С. 172.

¹³ Мискаль, меткал, метикал, митсаль – весовая единица в ряде стран Северной Африки и Ближнего Востока, применяемая главным образом как мера массы благородных металлов, драгоценных камней, розового масла и т.п.

¹⁴ Семенов В.Б., Тимофеев Н.И. Изумрудные годы мира: Заветы. С. 189.

¹⁵ Там же. С. 187.

сведения, которые временами звучат скорее как миф, а не как геологическое определение: «Некоторые рассказывают, что их добывают из гнезд грифонов, которые с необыкновенным ожесточением стерегут этот камень»¹⁶. На эти же сведения позже ссылаются германские ученые Конрад фон Мегенберг, Иоганн Воннеке фон Куба. Салернский врач делает и подборку медицинских данных с указанием первоисточников, свидетельствующих о врачующих качествах изумруда. Здесь мы встречаем перевод из приведенного выше отрывка ибн Исхака, Сильватико называет его Серапионом. Читая старые тексты, мы снова и снова убеждаемся, какое серьезное влияние оказывало восточное знание на развитие науки средневековой Европе, и еще раз отмечаем, какой уникальный, кропотливый, творческий труд был проделан авторами сборника и всеми, кто помогал им в создании этого уникального свода. Миланский врач Джованни Сильватик, живший в эпоху Ренессанса, внес, по мнению авторов, свой ценнейший вклад в историю геммологического знания в виде книги «Рассуждение об единороге, камне безоаре, смарагде и маргарите, а также их использовании при лечении заразных лихорадок», где глава о смарагде «является самой значительной по своей содержательности во всем наследии литотерапевтической ветви средневекового смарагдоведения»¹⁷.

Есть в сборнике выдержки в переводе со старокастильского из лапидария испанского короля Альфонса X Мудрого. Высокообразованного монарха звали также Астрономом, Ученым, Философом, – составители книги цитируют и поэтический отрывок из некоего станса, посвященного ученому королю: «Так долго смотрел на небо, / Что уронил корону...» Альфонс X составил объемную астрологическую классификацию камней, их магических, врачующих свойств и перечислил те случаи, когда они могут помочь или навредить обладателю. Эсмеральде в этом тексте отведена серьезная и весьма неоднозначная роль.

Благодаря «Изумрудным годам мира» читатель узнает интереснейшую историю перуанских изумрудных копей: в книге приводятся «Тайные донесения испанскому королю» эмиссаров испанского монарха Карла I. Существенный вклад в развитие смарагдоведения в Испании сделан фармацевтом Гаспаром Альберо де Моралесом. С «легкой» руки инквизиции он едва не поплатился жизнью за свои медико-астрологические исследования, но был спасен королевской волей.

Допетровская Русь не уделяла большого внимания естественным наукам, но в русских торговых книгах авторы нашли предупреждение купцам о подделках под изумруд и советы, как отличить истинный камень от ложного. Учитывая доскональность изысканий, по-видимому, это единственное дошедшее до нас упоминание о камне, не считая перевода «Травника от мудрых риторей».

В трактатах ученых XVI–XVII веков сведения, имеющие отношение к геммологии и смарагдоведению в частности, которые ранее звучали как набор увлекательных, важных, но по большей части весьма приблизительно систематизированных фактов, становятся все более научно осмысленными: «За одиннадцать с половиной столетий средневековья <...> европейская геммология, унаследованная от античного времени как неразделенное, целостное (синкретическое) знание, была расчленена на несколько составляющих, каждая из которых исследовала особые стороны жизни камня. Не миновала эта тенденция и смарагдоведения, в котором явственно обособились мифологический, фольклорный, сакральный, эзотерический, описательный, региональный, практический подходы, гемм-маркетинг и литотерапия»¹⁸. В результате, пишут В.Б. Семенов и Н.И. Тимофеев, «конец средневековья в истории науки о земле и камне знаменовался появлением новых научных отраслей – геологии и минералогии, преобразивших геммологическое знание в целом и положивших начало теоретической геммологии»¹⁹.

Эта работа – лишь часть обширной издательской программы «Геммологическая библиотека», включающей подготовку и выпуск в свет тематических серий, посвященных истории камня и развитию геммологической мысли, которая реализуется ИГЕММО Lithica в сотрудничестве с научно-культурным «Фондом Тимофеева».

В.Б. Семенов – не минералог и не геолог. По образованию он искусствовед, а ныне историк-геммолог, хотя этой профессии нет в списках специальностей ни одного из российских вузов. Ему принадлежит честь создания новой научной отрасли: исторической геммологии – науки о драгоценных камнях, которые стали важнейшими персонажами памятников литературного наследия человечества и свидетелями развития его духовной и научной культуры не только вследствие своих высоких ювелирных качеств, но иногда и вопреки им. Владислав Борисович – президент ИГЕММО Lithica, член Российского геммологического об-

¹⁶ Семенов В.Б., Тимофеев Н.И. Изумрудные годы мира: Заветы. С. 329.

¹⁷ Там же. С. 412.

¹⁸ Там же. С. 511.

¹⁹ Там же. С. 512.

щества, действительный член Московского общества испытателей природы при МГУ имени М.В. Ломоносова, член-учредитель Уральской геммологической ассоциации, член Творческого союза художников России.

Его соратник и соавтор Н.И. Тимофеев – генеральный директор ООО «Уралдрагмет-холдинг», кандидат технических наук, заведующий кафедрой художественной обработки материалов Уральского федерального университета, профессор, академик Международной академии информатизации, Российской инженерной академии. Николай Иванович – сопредседатель научного Демидовского фонда, один из учредителей Всероссийской литературной премии имени П.П. Бажова, президент научно-культурного «Фонда Тимофеева».

Подробный библиографический аппарат в конце книги указывает на глубину и профессионализм исследования, хотя авторы не претендуют на академизм. Каждое описание свойств, облик, местонахождения камня, мифов и легенд, связанных с ним, предваряется краткой исторической справкой о самом первоисточнике и его авторе. Собранные вместе и изложенные с соблюдением всех законов литературной композиции, они вполне могут претендовать на новое и независимое историческое исследование.

Это не только свод уникальных исторических сведений об изумруде и благородных камнях, которые часто упоминаются с ним в соседстве. Историческое, географическое и филологическое сопоставление текстов, указание их нынешнего архивного местонахождения делают его интересным как с естественнонаучной, так и с гуманитарной точки зрения. Эта книга будет интересна и историку, и филологу, и геологу, и врачу – любому, чья любознательность стремится к получению энциклопедических сведений. Недаром В.Б. Се-

Изумруды – оттенки и огранки

менов и Н.И. Тимофеев – истинные, преданные науке труженики – поставили в качестве эпиграфа к «Заветам» цитату из труда Франца-Людвига Канкрина²⁰ «Первые основания искусства горных и соляных производств»: «Уже давно известно, что мы в вышедших в печать сочинениях прекрасные учения имеем, и что тот, которому недостает ни прилежания, ни проницания, тогда распространяет свое знание, когда он читает хорошие книги и старается о дознанных однажды истинах уверяться более и истинное от ложного различить, а чрез сие самое ученый свет обогащать новыми истинами и изобретениями».

²⁰ Канкрин Франц-Людвиг (или Франц Иванович; 1738–1816) – ученый техник, отец графа Егора Канкрина. Служил камеральным советником в гессенской, потом в бранденбург-аншпахской службе, построил Вильгельмсбад. Вызван в Россию графом П.А. Румянцевым-Задунайским, с 1783 по 1813 год (с перерывами) был директором Старорусского соляного завода, затем членом Горного совета.